

UNITED WISDOM

Теории сознания: что позволило бы сравнить их экспериментально

Мир и сознание

Andrey Zarinsh & Maria Evilkut

W-07-N03 · RU

@andrey.zarinsh @ilkutki

Теории сознания: что позволило бы сравнить их экспериментально

Эпиграф

> *Рука без помощи и разум, предоставленный самому себе, обладают малой силой.*

Фрэнсис Бэкон, «Новый Органон», I, II; собственный перевод United Wisdom с английского текста издания под редакцией Joseph Devey, P. F. Collier & Son, 1902, Project Gutenberg. Переводчик английского текста на прочитанной титульной странице отдельно не установлен.

О чём эта статья

Когда говорят, что найдено место сознания в мозге, хочется получить короткий ответ: какая теория оказалась права? Но теории могут объяснять разные стороны опыта, а одинаковое слово «сознание» скрывает разные экспериментальные вопросы. Чтобы сравнение было содержательным, необходимы не только приборы и большая выборка. Нужны понятные предсказания, условия их проверки и заранее установленное различие между результатом, поддерживающим теорию, противоречащим ей и оставляющим вопрос открытым. Статья рассматривает эту работу на ограниченном примере теории глобального нейронного рабочего пространства и теории интегрированной информации. Мы разберём, как общий философский вопрос становится экспериментальным, почему ответ человека и измерение активности требуют отдельных объяснений и чему учит публично описанное сравнение COGITATE. Цель — научиться читать сообщения об исследовании сознания без поспешного окончательного приговора. Это не полный обзор всех теорий, не клиническое руководство и не обещание решить вопрос о природе субъективного опыта.

@andrey.zarinsh @ilkutki

I. Сравнить объяснения — значит дать им рискнуть

Вообразим двух исследователей перед одной записью активности мозга. Первый видит в ней подтверждение распространения информации между системами. Второй — указание на организацию, способную поддерживать целостный опыт. Каждый может рассказать убедительную историю после получения результата. Но если обе истории одинаково подходят к любому возможному исходу, данный эксперимент их не различает. Это ещё не доказывает бесполезность теорий целиком. Возможно, они предлагают разные вопросы или пока недостаточно точные измеримые следствия. Сравнение начинается там, где стороны называют исход, который ожидался бы при одной версии и был бы менее совместим с другой. Несогласие должно получить форму, в которой наблюдение способно изменить оценку, а не только словарь объяснения.

Предсказание в этом смысле — не пророчество об отдельном человеке. Это утверждение о наблюдаемом отношении при заданных условиях: где, когда, в каком виде и при каком контроле должен обнаруживаться сигнал. Важен также масштаб вывода. Теория может говорить о механизме доступа к содержанию, о свойстве системы или о качественной структуре переживания. Проверить одно следствие не значит проверить каждую часть объяснения. Название крупной теории в заголовке часто создаёт ожидание большего результата, чем позволяет конкретная задача. Поэтому читатель может начать с простого вопроса: что именно здесь могло оказаться иначе? Ответ показывает, существует ли действительное столкновение предсказаний или лишь два описания уже известного наблюдения.

У этой работы есть человеческая сторона. Автор теории может вложить в неё годы и видеть в новом результате продолжение сильного аргумента. Оппонент может ждать опровержения с не меньшей заинтересованностью. Проверяемый договор не требует притвориться свободными от интересов; он даёт интересам меньше власти менять правила после факта. Условный договор может включать порядок анализа, границы данных и способы обращения с неопределённостью. Однако договор сам не гарантирует истинности: он может быть плохо составлен. Его достоинство в том, что спор о содержании становится доступнее для оценки. Другой исследователь видит, какие основания были обещаны, что действительно измерили и какой именно пересмотр следует из расхождения.

II. Сначала установить, о каком сознании идёт речь

Одно слово способно объединить слишком разные задачи. «Человек находится в сознании» описывает состояние; «он осознаёт красный предмет» — определённое содержание; «он может сообщить о нём» — способность ответить. Эти формулировки связаны, но не взаимозаменяемы. В обзоре Dehaene и Changeux 2011 года предметом прямо назван сознательный доступ: как информация становится доступной для сообщаемого субъективного опыта. Здесь важно читать ограничение вопроса вместе с моделью. Если эксперимент спрашивает о содержании визуального восприятия, он не автоматически отвечает о каждом состоянии сна, боли или глубокой медитации. Уточнение области не умаляет исследование; оно устанавливает, какой именно шаг был сделан.

Представим условный разговор о музыке. Человек слышит мелодию, замечает смену инструмента и объясняет, почему она ему нравится. Три вопроса выглядят близкими: переживал ли он звук, выделил ли изменение и сумел ли построить объяснение? Но ответ о последнем не исчерпывает первые два. Для исследования пришлось бы установить, какая разница считается нужным наблюдением, как её сообщают и какой участок поведения сравнивают. Нельзя просто спросить «было ли сознание» и считать слово единым измерительным прибором. При этом трудность определения не означает отсутствия предмета: человек действительно сообщает о переживании. Она означает необходимость договориться, как конкретное сообщение участвует в проверке конкретного объяснения.

Поэтому сравнение теорий требует общего предмета, но не вынужденного согласия по всем определениям. Стороны могут договориться исследовать определённый воспринимаемый образ и расходиться в объяснении того, почему он переживается. Полезно назвать точку согласия и границу. Если одна сторона считает отчёт признаком доступа, а другая ищет свойства самого опыта, разница должна войти в рассуждение до результатов. Иначе ожидаемая победа оказывается спором о том, что считалось победой. Научная работа здесь начинается с ясных связей между словами и процедурами. Хорошее определение не заменяет измерения, но помогает не требовать от измерения ответа на вопрос, который в него никогда не был включён.

III. Две теории не две метафоры одного процесса

Теория глобального нейронного рабочего пространства, GNWT, связывает сознательный доступ с широким распространением информации между системами. В модели Dehaene и Changeux это предложение о нейронной организации, а не маленький наблюдатель внутри головы, которому показывают экран. Слово «пространство» удобно, но не означает физическую комнату. Для нашего сравнения важно ограниченное различение: информация, обработанная локально, и информация, доступная нескольким процессам, не считаются одним и тем же состоянием по этой модели. Подробная нейроанатомия и математическая реализация выходят за рамки статьи. Мы не превращаем доступность информации в уже доказанное объяснение всякого качества переживания.

Теория интегрированной информации, IIT 4.0, начинает с сформулированных авторами свойств опыта и предлагает физическое описание через причинно-следственную организацию системы. «Интеграция» здесь не просто большое количество сообщений или хорошая согласованность команды. Это техническое понятие определённой теории. Авторы связывают опыт с неразложимой причинно-следственной структурой и развивают формализм для её описания. Эти положения следует передавать как положения IIT, а не как установленную всеми исследователями истину. Статья 2023 года не содержит новую человеческую выборку: в ней излагаются теория, формальный аппарат и примеры. Смешать её с экспериментом означало бы искусственно увеличить число эмпирических подтверждений.

Сравнение становится интереснее, когда мы перестаём переводить обе теории в одно удобное слово «связность». Сеть может широко передавать сведения, но вопрос о её собственной причинной структуре остаётся отдельным. Теория может описывать структуру, но конкретный прибор не обязательно измеряет всё, что требуется её формализму. Между общим положением и наблюдаемым сигналом находится мост: какие особенности реального мозга считаются допустимыми показателями предполагаемого механизма? Мост нуждается в аргументе со стороны сторонников модели и в проверке со стороны исследования. Без него красивое слово получает слишком много функций. Мы думаем, что сравнили объяснения, хотя в действительности сравнили лишь одинаково привлекательные рассказы о связях.

IV. Предсказания должны расходиться в наблюдаемом

Чтобы эксперимент помог выбрать между объяснениями, мало ожидать «активность мозга». Если обе версии допускают такую активность, её наличие не создаёт решающего различия. Нужно более определённое следствие: распределение информации, её сохранение во времени или определённое отношение между измеряемыми участками. Подробное предсказание связывает теорию с условиями. Оно может касаться начала стимула, периода его присутствия или окончания. При этом предсказание должно быть зафиксировано именно в проверяемой версии, а не восстановлено из общего впечатления читателя. Теории развиваются; словесное описание из одной редакции нельзя незаметно подставить вместо договорённости, принятой для другой. История изменения тоже входит в понятное объяснение результата.

Покажем устройство проверки на условном примере, который не описывает конкретные данные COGITATE. Пусть модель А ожидает один краткий сигнал при появлении картинки, а модель Б — поддержание определённого сигнала весь период просмотра. Исследователь меняет длительность и измеряет, как меняется временной профиль. Если сигнал остаётся дольше вместе с более долгой картинкой, появляется информация для сравнения. Но нужен следующий шаг: способен ли прибор различить краткий и длительный процессы, не сглаживает ли обработка данные, не связан ли результат с подготовкой ответа? Предсказание становится сильнее от понятного контроля альтернатив, а не от уверенного названия буквы А или Б рядом с красивым графиком.

Важно заранее описать и неоднозначный исход. Возможно, измерение имеет недостаточную чувствительность. Возможно, данные в одной области согласуются с предсказанием, а в другой — расходятся. Возможно, заранее допустимые методы дают разные результаты. Тогда ответ «не решено» содержит определённую информацию о границах проверки. Он не равен отсутствию работы и не разрешает автоматически выбрать предпочитаемую теорию. Полезно также различать первичный план и дальнейшее исследование: найденный после анализа интересный рисунок может стать основанием нового предсказания, но не получает задним числом статус предсказанного. Это различие защищает ценность обоих видов работы — открытий и проверок — вместо превращения каждой неожиданной находки в заранее известный успех.

V. Отчёт участника входит в эксперимент

Субъективный опыт не поступает исследователю как изображение на общем экране. Человек может сообщить, что он видел или слышал, а исследователь сопоставляет сообщение с поведением и измерением. Но само сообщение требует операций: понять инструкцию, удержать содержание, выбрать ответ и выполнить движение или произнести слова. Это логическое различение, не предположение о нечестности участников. Если сигнал появляется рядом с отчётом, возникает вопрос, относится ли он к переживанию, подготовке ответа или нескольким связанным процессам. Нельзя решить это одной формулой «человек сказал, значит, мы нашли сознание». Нельзя и удалить отчёт из рассмотрения просто потому, что он субъективен: тогда может исчезнуть нужная связь измерения с вопросом.

В условной задаче человеку показывают предмет, который не требует ответа, и другой предмет, на который нужно нажать кнопку. Если сравнить эти случаи, различие сигнала может касаться задачи, а не только переживаемого содержания. Исследователь должен уточнить, что в условиях действительно меняется, а что сохраняется. Наличие контрольного условия помогает, но слово «контроль» не гарантирует удачного сопоставления. Важно, насколько условия близки по релевантным свойствам и какие побочные различия остаются. Участник может иначе ожидать появление цели, следить за ней или готовить движение. Эти возможности не опровергают исследование заранее. Они становятся вопросами к дизайну, который должен позволять более определённое объяснение наблюдения.

Описание первого эксперимента COGITATE прямо включает релевантность стимула задаче и длительность предъявления. В проектной документации указаны три уровня релевантности и три длительности: 500, 1000 и 1500 миллисекунд. Здесь это иллюстрация устройства вопроса, а не самостоятельное повторение эксперимента. Мы не утверждаем, что один такой дизайн устраняет все трудности отчёта или подходит каждому виду сознания. Для читателя полезен конкретный шаг: спросить, в какой мере измерение различает наличие переживаемого содержания и необходимость действовать с этим содержанием. Если статья о результатах не показывает эту связь, потребность в ней не исчезает; она остаётся ограничением доступного объяснения.

VI. Что даёт совместная проверка несогласных

В опубликованной в 2025 году работе COGITATE Consortium сравнивались предсказания IIT и GNWT. Согласно прочитанному abstract, 256 участников смотрели надпороговые стимулы разной длительности; применялись функциональная МРТ, магнитоэнцефалография и внутричерепная электроэнцефалография. Дизайн и интерпретации были предварительно зарегистрированы совместно с представителями теорий. Сообщённые результаты частично согласовались с предсказаниями и существенно затрудняли некоторые положения обеих теорий. Это конкретное исследование, а не доказательство, что сравнивать теории теперь всегда просто. В этой статье прочитаны abstract и выбранные подписи к рисункам, а также отдельная документация проекта; полное чтение всех методов и приложений не заявляется.

Смысл такого сотрудничества не сводится к примирению научных школ. Стороны могут продолжать расходиться, но им приходится обозначить, что именно считалось бы неудобным исходом для их версии. Когда общая задача составлена достаточно ясно, неожиданность становится общей: не одна команда отдельно собирает удобные для себя признаки, а несколько позиций сталкиваются с одним согласованным набором условий. Но согласование не снимает вопросы к достаточности измерения, построению показателей и дальнейшей трактовке. Совместная работа ценна как способ сделать эти вопросы видимыми. Она не превращает коллегиальность в самостоятельное свидетельство истинности и не устанавливает, что все существенные альтернативные теории были включены в сравнение.

Для неспециалиста особенно полезно различать три голоса: предварительное ожидание, наблюдаемый результат и нынешнее объяснение сторонника теории. Они могут не совпасть. Нельзя читать позднее объяснение так, будто оно всегда было исходным предсказанием; нельзя и запрещать любое уточнение теории после новых данных. Уточнение допустимо, но его статус должен быть понятен. Оно может сохранять часть прежнего механизма, отказаться от конкретного следствия или предложить другую связь с измерением. Тогда следующий шаг — проверка уточнённого предсказания, а не объявление прежней версии безусловно успешной. Работа накапливается через прослеживаемое изменение, и читателю становится понятно, что именно новая теория объясняет лучше или иначе.

VII. Не обнаружено — ещё не установлено отсутствие

Отрицательный результат требует не меньшей точности, чем положительный. Если ожидаемый сигнал не обнаружен, следует спросить, какой сигнал искали и мог ли выбранный метод его надёжно заметить. Отсутствие отметки в анализе и отсутствие явления — разные утверждения. Но это различение нельзя использовать как вечное спасение любой теории: иначе никакой результат не сможет её ограничить. Нужна конкретная возможность ошибки измерения, связанная с условиями, а не общая фраза, что наука несовершенна. Если условия заранее признаны достаточными для проверки предсказания, отрицательный исход создаёт содержательное затруднение. Новое возражение к условиям допустимо, когда оно обосновано и его отличие от прежней договорённости открыто.

Имеет значение и сила утверждения. Модель, согласно которой процесс необходим всегда, рискует иначе, чем модель, ожидающая его лишь при определённом виде задачи. Если ограниченный результат противоречит первому предсказанию, нельзя незаметно заменить «всегда» на «иногда» и сохранить прежний статус. Но можно честно предложить сужение, затем выяснить, объясняет ли оно всё, что теория должна объяснить. Более узкая версия может стать точнее ценой меньшего охвата. Такая цена не является позором. Она часть исследования. Для читателя полезно видеть, что именно потеряно и приобретено, вместо сообщения о бесконечной победе, в котором любое изменение слов одновременно объявляется подтверждением неизменной идеи.

Сравнение также может дать смешанный результат: один ожидаемый признак обнаружен, другой — нет. Смешанность не следует превращать ни в полный провал, ни в полное подтверждение. Хорошее сообщение сохраняет карту конкретных предсказаний. У читателя может не быть знаний для оценки каждого анализа, но он способен заметить, когда заголовок расширяет частичный исход до универсального заключения. Вопрос «какая теория выиграла?» тогда уступает более полезному: «какие её обязательства выдержали этот тест, какие затруднены и что остаётся открытым?» Такая формулировка не избегает оценки. Она делает оценку точнее и связывает её с данными вместо требования окончательно выбрать научную идентичность по одному набору наблюдений.

VIII. Прибор, показатель и объяснение

Прибор измеряет определённое физическое отношение, а не выдаёт весь человеческий вопрос в готовом виде. Измерение нужно преобразовать в показатель, показатель связать с предполагаемым процессом, а процесс — с тем, что теория объясняет. Каждый переход может быть разумным, но его следует назвать. Если программа различает категории стимулов по сигналу, это ещё не означает, что она прочитала весь субъективный опыт. Если сигнал связан с длительностью предъявления, остаётся вопрос о том, какое объяснение этого отношения подходит. Такие границы не являются отрицанием нейронауки. Наоборот, они помогают понять, какую работу делает конкретный метод и какое дополнительное сравнение нужно для более сильного вывода.

Слово «информация» особенно легко пересекает границы незаметно. В обычной речи оно обозначает смысл сообщения; в измерении может обозначать различимость состояний; в теории имеет специальное определение. Эти употребления способны быть связаны, но связь необходимо показать. Нельзя из способности алгоритма отличить картинку А от картинки Б сразу заключить, что измерена интегрированная информация именно в смысле IIT. Нельзя из общего обмена сигналами вывести наличие рабочего пространства именно в проверяемой версии GNWT. Здесь не требуется читателю решать математическую задачу. Достаточно искать место, где автор исследования объясняет соответствие показателя понятию, и честно признавать, если этого объяснения в прочитанном материале пока нет.

Фрэнсис Бэкон в «Новом Органоне», I, II сравнивает помощь разуму с инструментами для руки. Его рассуждение принадлежит истории философии исследования, а не современной приборной нейронауке. Но ограниченное сопоставление полезно: одного напряжения мысли недостаточно, нужны средства, которые делают вопрос доступным для проверки. Сегодня к таким средствам относятся не только аппарат, но и определение, порядок анализа и сохранённые основания вывода. Это наша методологическая интерпретация, а не утверждение, что Бэкон заранее описал МРТ или регистрацию протоколов. Исторический текст помогает сформулировать задачу; современный эксперимент должен решать её своими действительными методами и данными, не занимая авторитет прошлого вместо собственной проверки.

IX. Эксперимент и вопрос о природе опыта

Исследование может уточнить связь наблюдаемой активности с переживаемым содержанием, оставляя философское разногласие о том, что означает эта связь. Это не разрешение объявить любую метафизику одинаково доказанной. Просто эмпирический вывод и более общее толкование имеют разный объём. Чтобы результат поддерживал сильное онтологическое положение, требуется дополнительный аргумент, объясняющий переход. Сама сложность измерения не доказывает независимость сознания от мозга; наличие измеряемой связи не делает каждую философскую проблему автоматически решённой. Читатель может сохранять интерес к обоим вопросам, не требуя от одного эксперимента закрыть их сразу. Чем точнее описан выполненный шаг, тем яснее, какая работа ещё действительно предстоит.

Культурное или религиозное описание переживания может ставить иной вопрос: как жить с опытом, как понимать его значение, к какой дисциплине внимания обратиться. Оно не становится нейронной теорией от сходства слов. В этой статье не проводится обзор конкретных религиозных учений, поэтому мы не приписываем им единый взгляд и не добавляем несвязанные цитаты ради перечня традиций. Граница здесь содержательная: личный смысл и научное объяснение могут присутствовать в жизни одного человека, но их основания проверяются по своим задачам. Если кто-то утверждает конкретный физический механизм от имени традиции, такое утверждение требует своей подходящей опоры. Уважение к мировоззрению не делает любое его употребление экспериментальным результатом.

И философское сомнение не должно подменять конкретную критику. Фраза «сознание слишком сложно» не говорит, ошибочен ли выбранный анализ. Фраза «мозг всё делает» не показывает, какая модель объясняет результат лучше. Между такими лозунгами остаётся пространство исследовательской работы: уточнять условия, сравнивать следствия, проверять альтернативы и сохранять неразрешённое. Хорошая публичная статья может остановиться на этой определённости, не производя искусственного окончательного ответа. Для взрослого читателя незавершённость не обязательно означает разочарование. Она позволяет видеть структуру знания: что опирается на наблюдение, что предлагается как объяснение, что было подвергнуто испытанию и что ещё не получило достаточного различающего основания.

X. Как читать сообщение о победе теории

Когда встречается яркий заголовок об объяснённом сознании, полезно восстановить путь от названия до вывода. Сначала назвать область: состояние, содержание или доступ. Затем найти проверяемые предсказания и реальные условия, включая людей, задачу и методы. После этого отделить найденные признаки от толкования. Такой порядок не требует заранее стать сторонником одной школы. Он также не означает подозревать каждый научный текст. Он делает возможным доверие к определённому результату, не распространяя его без основания на всё. Если доступен только abstract, это честное начало чтения; сильный подробный вывод по непрочитанным методам пока не принадлежит читателю, даже если работа опубликована в известном журнале.

Задайте также вопрос о пересмотре: какая часть объяснения стала менее уверенной или получила новую опору? Если ответ всегда «теория подтверждена», независимо от смешанных результатов, сообщение утратило различающую функцию. Но если ответ всегда «всё опровергнуто», проверка тоже исчезает за эффектным жестом. Научное соперничество не обязано завершаться одним победителем. Иногда оно выявляет, какие общие предпосылки требуют уточнения, какие показатели неоднозначны и какие части моделей пока переживают разные проверки. Это возможные виды результата, а не заранее назначенный итог каждого эксперимента. Сообщение о них должно быть связано с конкретной работой и её ограничениями, вместо превращения сложности в новый красивый общий лозунг.

Вернёмся к двум исследователям перед записью. Содержательная встреча начинается не тогда, когда они находят одинаковую метафору, и не тогда, когда один замолкает. Она начинается с вопроса, какие различия они действительно готовы проверить. Прибор, ясная процедура и открытая история анализа помогают сделать это различие общим предметом. После проверки объяснения могут измениться неодинаково, а часть вопроса остаться открытой. Для понимания человеческого опыта это скромный, но реальный шаг: вместо выбора красивого рассказа появляется возможность сравнить обязательства рассказов перед наблюдением. Теория становится научно интересной не потому, что окончательно успокаивает нас, а потому, что объясняет определённое и позволяет выяснить, где её объяснение перестаёт работать.

Что это значит на практике

Возьмите одно доступное сообщение об исследовании сознания и составьте небольшую карту из пяти строк: вопрос; теории и их версии; различающиеся предсказания; наблюдаемый результат; предел вывода. Если читаете только abstract, обозначьте это в карте. Не дописывайте по памяти величину выборки, метод, причинный механизм или положительный исход, которого не увидели в тексте.

Выберите один глагол заголовка: «доказали», «опровергли», «обнаружили» или «объяснили». Найдите предложение работы, которое должно поддерживать его, и проверьте, совпадает ли область. Если исследование сравнивало визуальное содержание в определённой задаче, не расширяйте результат до всех переживаний. Если исход смешанный, сохраните различия между предсказаниями. Для более сильного вывода понадобятся сами методы и подходящая компетенция; доступность документа не означает, что вы уже оценили каждый анализ.

Затем сформулируйте собственное ограниченное сообщение без победного ярлыка. Например: «В этих условиях исследователи получили результат, затрудняющий такое предсказание; другой вопрос остался открытым». Пример формы не заменяет фактических данных выбранной работы. Если вы обсуждаете её с человеком, предпочитающим другую теорию, можно спросить, какой следующий исход изменил бы вашу оценку. Это добровольная практика чтения и разговора, не проверенный способ устранить предубеждения и не эксперимент с собственным сознанием. Её полезность для вас видна по тому, стали ли яснее вопрос, опора и оставшийся предел.

Ключевая цитата

> *Но опыт — безусловно лучшее доказательство, если он держится фактически проведённого эксперимента; если же этот эксперимент переносится на другие, внешне похожие предметы без должной и методической осторожности, он становится обманчивым.*

Фрэнсис Бэкон, «Новый Органон», I, LXX, первое предложение в английском издании 1902 года под редакцией Joseph Devey. Собственный перевод United Wisdom. Историческое высказывание об исследовании, не установленное нейронаучное положение.

Связи между традициями

1. **GNWT: доступ / IIT: свойства опыта.** Обе теории предлагают связь сознания с физической организацией, но исходные объяснительные задачи и определения различаются. Широкая доступность информации не тождественна неразложимой причинной структуре. Опоры: Dehaene–Changeux 2011, Albantakis и соавторы 2023.

2. **Бэкон I, II: помощь пониманию / COGITATE: согласованная процедура.** Сходство заключается в работе со средствами исследования, а не в уверенности одного ума. Историческая индуктивная философия не предсказывает современный дизайн и не заменяет данные. Опоры: Бэкон; описание проекта COGITATE.

3. **Бэкон I, LXX: граница эксперимента / сравнение IIT–GNWT 2025: граница проверенных предсказаний.** Общее различение — наблюдаемый результат и перенос за его условия. Современное исследование относится к конкретной человеческой задаче; Бэкон формулирует методологический довод, не нейронную теорию.

4. **IIT 4.0: формальный аппарат / COGITATE: измеримые следствия.** Оба уровня требуют ясного определения показателей, но математическая структура теории и выбранный эмпирический сигнал не становятся одинаковыми автоматически. Связь должна быть обоснована; статья не заявляет прямое измерение всего формализма IIT.

5. **GNWT: сообщаемый доступ / экспериментальная релевантность задаче.** Обе стороны заставляют различать содержание и операции его использования. Удаление задачи не даёт прозрачного прямого доступа ко всему опыту, а отчёт не сводится к выдумке. Опоры: обзор Dehaene–Changeux и проектная документация COGITATE.

Первоисточники

1. Фрэнсис Бэкон. «Новый Органон», I. Английское издание под редакцией Joseph Devey, 1902; философский первоисточник, II и LXX для цитат, XIX/XXV/XLVI для контекста исследования.

2. Dehaene, Changeux. Neuron, 2011, 70:200–227. Обзор сторонников GNW; прочитаны abstract и выбранные страницы PDF о доступе и модели, не все первичные опыты.

3. Albantakis и соавторы. IIT 4.0, PLOS Computational Biology, 2023. Первичная теоретическая формализация; введение и постулаты, без новой человеческой выборки.

4. COGITATE Consortium. Nature, 2025, 642:133–142. Первичный эксперимент, здесь прочитаны abstract и выбранные подписи к рисункам; полные методы и приложения не прочитаны.

5. COGITATE: описание первого эксперимента. Первичная проектная документация об условиях задачи, не независимое повторение.

Теги

сознание, теории сознания, эксперимент, GNWT, IIT, COGITATE, сознательный доступ, субъективный опыт, содержание, состояние, отчёт, предсказание, предварительная регистрация, проверка теории, измерение, показатель, метод, контрольное условие, отрицательный результат, смешанный результат, Бэкон, Новый Органон, Dehaene, Changeux, Albantakis, интерпретация, область вывода, философия исследования, причинная структура, совместная проверка

Про авторов

Andrey Zarinsh — автор и основатель проекта United Wisdom. Исследует темы внутренней трансформации, единства традиций, межкультурного диалога и современной духовной дисциплины. Instagram: @andrey.zarinsh.

Maria Evilkut — соавтор United Wisdom. Помимо исследовательской работы, она стремится проверять эти идеи на практике и наблюдать, как принципы единства и взаимопонимания работают в реальной жизни между людьми и культурами. Instagram: @ilkutki.